

ЭРИХ ЮНГ О НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА*

М. Д. БИЛАЛУТДИНОВ**

Билалутдинов Марат Дамирович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Западно-Сибирского
филиала Российского
государственного университета
правосудия, доцент кафедры
гуманитарного образования
и иностранных языков
Юргинского технологического
института Национального
исследовательского Томского
политехнического университета

Статья представляет собой попытку исследования нацистского тоталитарного подхода к важнейшей проблеме теории права — источникам права. Данная проблема рассматривается на примере работы «Учение об источниках права и еврейство» пера одного из видных немецких юристов, поддержавших нацистский режим, Эриха Юнга. В статье исследуются воззрения Юнга на судебное правоприменение, справедливость, позитивный закон, обычаи как источники права. Анализируется критика Юнгом исторической школы права, естественного права, позитивистского правопонимания, школы свободного судебного усмотрения, общего права.

В работе делаются выводы о создании Юнгом и другими немецкими юристами Третьего рейха юридического новояза, призванного придать правовое оформление ключевым идеологическим постулатам нацизма, в частности идее народной общности, понимаемой в расовом смысле, и обосновать интересы этой общности в качестве высшего источника права. Неприятие нацистской идеологией позитивистского правопонимания обуславливалось деидеологизацией права позитивизмом, особенно в его кельзенской интерпретации.

Наиболее формально близким к нацистскому пониманию источников права является естественное правопонимание. И в нацистском, и в естественном правопонимании высшими источниками права выступают базовые априорные принципы, на которые законодатель не вправе посягать, но с той фундаментальной разницей, что в естественном праве эти принципы выстроены вокруг

* Статья публикуется при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект МК-6182-2016.6 «Политико-правовые воззрения немецких юристов периода Третьего рейха».

** Marat D. Bilalutdinov — candidate of historical sciences, associate professor of Department of Theory and History of Law and State of the West Siberian branch of the Russian State University of Justice, associate professor of the Department of Education in the Humanities and Foreign Languages of the Yurga Technological Institute of the National Research Tomsk Polytechnic University.

E-mail: ranke34@sibmail.com

© Билалутдинов М. Д., 2016

Э. ЮНГ О НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА
БИЛАЛУТДИНОВ М. Д.

гуманистических начал прав и свобод человека и гражданина, а в нацистском — во-круг интересов основанной на расе народной общности.

Также в работе выделяются позитивные аспекты воззрений Юнга на источники права. К ним стоит отнести апологетику независимости судебной власти и свободу судейского усмотрения. Однако в правоприменительной практике Третьего рейха свобода судейского усмотрения означала свободу в наказании противников ре-жима, включая применение норм уголовного права по аналогии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: источники права, историческая школа права, судейское усмо-трение, естественное право, справедливость, законотворчество, позитивизм.

BILALUTDINOV M. D. ERICH JUNG ON THE NATIONAL SOCIALIST THEORY OF SOURCES OF LAW

The article constitutes the first attempt to study the Nazi totalitarian approach to one of the most essential problems of the theory of law, namely, the sources of law. This problem is examined on the example of “A doctrine on sources of law and Jewry” written by Erich Jung, one of the most notable German legal theorists who supported the Nazi regime. This article examines Jung’s views on judicial law enforcement, justice, positive law, and customs as sources of law. The article also analyzes Jung’s critique of the historical school of law, theories of natural law, positivistic understanding of law, the school of free judicial discretion, common law.

The author concludes that Jung and other German lawyers of the Third Reich created a legal newspeak aimed at legalizing the key ideological theses of the Nazism, in particular the idea of people’s community (Volksgemeinschaft) understood in racial terms, and at justification of interests of this community as a supreme source of law. Nazi antagonism towards positivist understanding of law is determined by the fact that positivism deideologizes law, particularly in its interpretation by Kelsen.

The theory of natural law is formally the closest one to the Nazi understanding of sources of law. Both in natural and Nazi understanding of law the basic a priori principles which cannot be changed by lawmakers are considered to be primary sources of law. However, the fundamental difference is that within the natural law these principles focus on humanistic basics of human and civil rights and freedoms, whereas within the Nazi understanding of law they focus on the interests of Volksgemeinschaft based on a race. The author also points out the positive aspects of Jung’s views on the sources of law. They include the apologetics of independence of the judicial power and freedom of judicial discretion. However, in Third Reich’s law enforcement practice the freedom of judicial discretion meant the freedom for punishment of the regime opponent, including the usage of criminal law by analogy.

KEYWORDS: sources of law, historical school of law, judicial discretion, natural law, justice, lawmaking, positivism.

Проблема источников права является одной из ключевых в любой политико-правовой идеологии или учении. Не стал исключением из этого правила и германский национал-социализм. Одной из важнейших особен-ностей данной идеологии было выстраивание негативистских конструкций, т. е. конструирование образа врага, через характеристики которого и меры борьбы с которым выстраивались ключевые постулаты нацизма. Главным врагом нацизм считал еврейство во всех его проявлениях, в том числе и в правовой жизни. Критика еврейства в правовой сфере стала одним из ос-новных направлений деятельности Национал-социалистического союза правозащитников, созданного в 1936 г. путем преобразования Национал-

социалистического союза немецких юристов. В рамках выполнения данной задачи была издана серия из девяти публикаций, посвященных еврейскому влиянию в праве, под общим названием «Еврейство в правовой науке». Идея издания сборника была озвучена на заседании структурного подразделения Национал-социалистического союза правозащитников Имперской группы преподавателей Высшей школы, проходившего 3–4 октября 1936 г. под руководством известнейшего немецкого юриста Карла Шмитта, принявшего нацистский режим¹.

Восьмая часть сборника под названием «Учение об источниках права и еврейство» была издана в 1938 г. Ее автором был один из наиболее выдающихся немецких юристов, поддерживавших нацистов, Эрих Юнг. Его брошюра имела подзаголовок: «Позитивизм, школа свободного права, новое учение об источниках права» и состояла из нескольких частей. Первая часть под названием «Проблема источников права» носила вводно-теоретический характер, вторая под названием «Историзм» раскрывала взгляд автора на историческую школу права и ее проблематику, третья — была посвящена пробелам в праве, четвертая — судебному правоприменению как источнику права и заключительная, пятая, — справедливости как источнику права.

В первой части работы Юнг выделил четыре ключевых вопроса философии права. Первым вопросом он назвал вопросы морали и разграничения добра и зла в противоположность учениям, отрицающим этическое: от древнегреческих софистов до теоретиков анархизма Макса Штирнера и Петра Кропоткина. Вторая задача — это обоснование государственного правового принуждения в виде военного призыва, судебного правоприменения в противоположность принципиальному отрицанию судебной власти и военному величию анархизма и пацифизму, разрушающим с помощью абсолютного нигилизма государственное и правовое общежитие². Третья проблема — это судебное правоприменение как источник права³. Четвертый вопрос касался правового обоснования частной собственности⁴.

Начиная описывать историческую школу права, Юнг, в первую очередь, справедливо характеризует ее как ответ на революционное время и его негативные последствия, выразившиеся в том, что за десять лет после 1789 г. во Франции было написано больше десяти конституций, в результате чего «живущее право» перестало существовать. Автор констатирует, что развитие XIX в. опровергло точку зрения Савиньи о приоритете обычного права над законодательным⁵.

Второй аспект критики Юнгом исторической школы права заключался в подходе Савиньи к проблеме рецепции римского частного права. В этой

¹ Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 1. Die deutsche Rechtswissenschaft in Kampf gegen den jüdischen Geist. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936. S. 5.

² Ibid. S. 5.

³ Ibid. S. 8.

⁴ Ibid. S. 9.

⁵ Ibid. S. 11.

критике он опирался на мнение известного французского юриста Раймона Салье, высказанное на всемирном историческом исследовательском конгрессе в Риме в 1903 г. Критика касалась признания Савиньи римского частного права, но одновременного неприятия «*Usus modernus pandectarum*», т. е. немецкой рецепции римского частного права, происходившей в XVII–XVIII вв. Таким образом, Юнг обвиняет основоположника исторической школы права в том, что тот отказал его собственному времени в творческом правовом развитии, «как будто бы его народ и современность не являлись в историческом развитии звеньями одной цепи», и, цитируя Салье, заключает, что он занял противоположную историческому методу точку зрения⁶.

По мнению Юнга, историческая школа права показала еще более тяжкое непонимание сущности источника права и ценности права, чем продемонстрировала односторонность естественного права. Естественную школу права Юнг упрекает в недооценке родовых связей, социального опыта, мудрости поколений.

Еще один аспект критики Юнгом исторической школы права был созвучен с известными словами в ее адрес Карла Маркса: «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут»⁷. Юнг обвинял историческую школу права в безразличии к разграничению добра и зла. «Всё понять, всё простить», — невозможная позиция для правозащитника»⁸, — писал он.

Заключительным обвинением в адрес исторической школы права со стороны Юнга было ее отождествление с историческим материализмом, исходя из согласия обеих школ с мнением, что общественные и правовые отношения — результат соответствующей экономической системы.

Следующим объектом критики Юнга в разделе о пробелах в праве стала школа свободного права, представители которой обосновывали необходимость свободного судейского усмотрения в правоприменительной деятельности. Проблему пробелов в праве, по мнению Юнга, актуализировало вступление в силу 1 января 1900 г. Германского гражданского уложения, устранившего прежнее обычное право и обусловившего преодоление господствующей доктрины источников права, которой являлась историческая школа права. В данной ситуации появилась школа свободного права. Ее появление Юнг считал исторически необходимым, но видел в ней лишь ниспровергателя прежней господствующей доктрины, как до этого историческая школа права ниспровергала естественное право. Юнг упрекал свободную школу права в том, что она ведет к предвзятому право-

⁶ Ibid. S. 12.

⁷ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1954. С. 416.

⁸ Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1938. S. 14.

применению, являющемуся отрицанием права и справедливости, не забывая при этом упомянуть о еврейском происхождении ряда ее основоположников, в частности Германа Канторовича. Также он обвинял свободную школу права в превалировании отрицания над конструктивной позицией, сравнивая ее по уровню нигилизма с большевиками и намекая на общность их еврейского происхождения⁹.

От критики школы свободного права Юнг переходит к критике известного немецкого философа права и политика еврейского происхождения Фридриха Юлиуса Штала. Попутно он аргументировал неприятие теории общественного договора, так как обоснование применения силы государством посредством общественного договора ведет к анархической «чистой общности конвенций» (*Konventionalgemeinschaft*) и полному отрицанию государственной власти. Юнг называл учение Штала ненаучным и обвинял в заикленности букве закона¹⁰.

Далее Юнг рассматривает проблему судебного правоприменения как источника права. Он поднимает вопрос о социальной ответственности судей. Данный вопрос он ставит под углом зрения коллективизма как одного из столпов нацистской идеологии. Юнг видел опасность для общности в получивших известность решениях судебной практики в тех случаях, когда нормы позитивного закона не давали однозначного ответа. По этому поводу он писал, что у противоположной стороны создается ощущение предвзятости, незащищенности и обиды. Вместе с тем, характеризуя проблему, Юнг использует не правовые, а идеологические и морально-этические термины, такие как «обида» (*die Kränkung*), «правовые товарищи» (*die Rechtsgenossen*) и «общность» (*die Gemeinschaft*).

Юнг приводит интересный пример немецкой судебной практики, касающийся рассмотрения вопроса о возможности регистрации ипотечной закладной на будущих потомков. Данный вопрос рассматривался в суде первой инстанции и в Имперском Верховном суде по кассационной жалобе по поводу вопросов земельного кадастра. Имперский Верховный суд постановил правомерность такой регистрации, в то время как судом первой инстанции, окружным судом и Верховным судом земли было отказано в регистрации такого права на основании того, что она противоречит норме первого параграфа Германского гражданского уложения (далее — ГГУ), согласно которой правоспособность лица возникает с момента его рождения¹¹. Юнг приветствовал расширение круга правовой защиты в решении Имперского Верховного суда в части признания права регистрировать ипотечную закладную в земельном кадастре на еще не родившегося ребенка¹².

⁹ Ibid. S. 16–17.

¹⁰ Ibid. S. 18.

¹¹ Bürgerliches Gesetzbuch [elektronische Ressource]. Zugriffsmodus: <https://dejure.org/gesetze/BGB/1.html> (дата обращения: 22.07.2016).

¹² Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. S. 21.

Юнг упрекает позитивистскую теорию права в догматизме, «ведущем к тем же заблуждениям, что и схоластика»¹³. Демонстрируя появление новых прецедентных решений в немецком правосудии, юрист приводит в пример судебную практику по делам об обязательственных правоотношениях в период гиперинфляции в Веймарской республике. При этом он подвергает критике номиналистскую теорию денег, определявшую покупательную способность денег их номиналом, определяемым государством, и ее реализацию в судебной правоприменительной практике, выразившуюся в принципе «марка равна марке». Юнг писал, что старые позитивные нормы банковского права в условиях инфляции бросили судью на произвол судьбы в условиях быстрого обесценивания денег, и называет такую ситуацию беспрецедентной в немецкой истории права.

Затем он апеллирует к исследованиям известного немецкого юриста Эрнста Штампе, автора работ по казуистическим проблемам гражданского права и номиналистской теории. Он пишет, что исследования Штампе показали гигантскую разницу между установленным государством курсом валюты и ее реальной покупательной способностью, приведшую к «беспрецедентному в истории цивилизованных народов вымогательству субъектов правоотношений», а также учету в правоприменительной судебной практике курсов государственных валют с тем, чтобы их номинальный курс не причинял ущерба падением реальной покупательной способности¹⁴. Таким образом, Юнг положительно оценил слом немецкой правоприменительной практикой государственной или номиналистской теории денег, назвав ее лжеучением, сформировавшимся в абсолютистском французском королевстве¹⁵.

Юнг выступает со здравым и реализованным в современности предложением обязательного опубликования каждой новой утвердившейся правовой позиции, что позволит избежать возникновения «объективной обиды» у сторон процесса. При этом он обращался к римской истории права и положительно оценивал роль преторских эдиктов, называя их «высшим достижением римского народа в правовой жизни»¹⁶.

Юнг ратовал за укрепление независимости судебной власти и отводил Имперскому Верховному суду главную роль в «кристаллизации так называемого обычного права». Отсутствием разделения властей и концентрации исполнительных, законодательных и судебных полномочий в руках императора в период домината он объяснял появление эдиктов Константина Великого, закреплявших колонатные отношения, которые сравнивал с указами Бориса Годунова 1592 и 1597 гг., вводившими запрет на переход крестьян от одного феодала к другому¹⁷.

Юрист подчеркивал роль современных средств типографии, связи, транспорта в опубликовании и распространении новых правовых позиций

¹³ Ibid. S. 23.

¹⁴ Ibid. S. 24.

¹⁵ Ibid. S. 25.

¹⁶ Ibid. S. 26.

¹⁷ Ibid. S. 27.

судов, что было невозможно в более ранние времена. Он положительно оценивал опыт кайзеровской Германии в деле создания административной юстиции и считал, что заслуживающее доверия судопроизводство формирует главную основу здорового правового государства, упрекая при этом эпоху Просвещения за формирование мнения о главенстве законодательной ветви власти¹⁸.

Он закончил свой раздел о судебном правоприменении как источнике права обращением к известному докладу шестого Президента Имперского суда Вальтера Симонса 27 ноября 1926 г., особо подчеркивая при этом, что он был произнесен в «апогей системного времени»¹⁹. В своей речи Симонс констатировал, что германское судопроизводство ввиду законодательства военного и послевоенного времени находится в тяжелом и почти невыносимом состоянии и часто не может защищать право, а способно лишь творить большую или меньшую несправедливость, но, оставаясь верным клятве Конституции, должно выносить решения исходя из содержания закона. Симонс невысоко оценивал место судебной власти в Германии. В качестве обратного примера Юнг приводит казус реакции судей штата Род-Айленд на закон штата, устанавливающий суровые наказания для лиц, делающих разницу между номиналами вновь эмитированных бумажных банкнот и номиналами серебряных монет. Судьи отказались назначать данные наказания, за что сами предстали перед судом штата, но в конечном счете были оправданы. Таким образом, Юнг констатировал, что суды явились действенным механизмом защиты от высшей законодательной власти, издающей бессмысленные законы²⁰.

Раздел о справедливости как источнике права ученый начал со слов Гитлера, произнесенных на съезде юристов в октябре 1933 г. в Лейпциге, о том, что правовая жизнь никогда больше не должна терять тесную связь с нравственной общественной жизнью нации. Взаимосвязь права и морали Юнг назвал ключевым вопросом для всех специалистов в области права. Он считал формулировку «без закона нет права» вульгарной идеей, исключающей этические аспекты, и обвинил последователей как позитивизма, так и исторической школы права в ее апологетике. Также Юнг положительно оценивал норму ст. 2 Закона «О введении в действие ГГУ», гласившую, что под законом в ГГУ понимается каждая правовая норма²¹, назвав ее освобождением от позитивизма.

Вторая принципиально важная норма данного Закона, по мнению Юнга, — ст. 30, ныне утратившая силу, освобождавшая судью от обязан-

¹⁸ Ibid. S. 29.

¹⁹ Выражение «Systemzeit» — «время системы», одно из ключевых выражений новояза нацистской пропаганды, обозначавшее демонизируемые времена Веймарской республики, т. е. времена «господства чуждой и враждебной либеральной парламентской системы, контролируемой евреями».

²⁰ Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. S. 29–30.

²¹ Einführungsgezet zum Bürgerlichen Gesetzbuche [elektronische Ressource]. Zugriffsmodus: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgbeg/BJNR006049896.html> (дата обращения: 22.07.2016).

ности применять нормы иностранного права в случае противоречия его «хорошим обычаям и целям немецкого закона». Он называет правоприменительную практику ст. 30 «кристаллизацией социального опыта юридической общности, свободной от позитивизма»²².

После этого Юнг переходит к общему анализу норм ГГУ на предмет поиска «непозитивных норм, таких как верность, добрая воля и благие обычаи, образующие нравственные основы правовой жизни и правовую совесть», которые он обнаружил в нормах 133, 157, 226, 242 и 826 параграфов. Он писал, что немецкие суды показали хорошую правоприменительную практику этих норм, несмотря на давление господствующего позитивизма. Норма 826 параграфа ГГУ, предусматривающая обязанность возмещения ущерба, причиненного умышленно нарушением обычаев, — одна из самых популярных у поддержавших нацистский режим юристов. Так, Отто Рильк, написавший работу под названием «Еврейство и конкуренция», ратовал за широкое судебское усмотрение в деле правоприменения этой нормы для привлечения к ответственности за недобросовестную конкуренцию²³. Юнг приводил в пример толкование Имперским Верховным судом нормы данного параграфа в деле о возмещении ущерба владельцу соседнего земельного участка от упавшего с другого участка дерева. Ученый положительно оценивал употребление правоприменителем в официальном толковании таких оборотов, как «отдельный случай», «по справедливости», «обоснованные претензии», приветствуя расширение позицией суда свободы судебного усмотрения, полагая при этом, что «догматические трактовки существующих правовых норм не способны распространять положительный социальный опыт народной общности путем нового синтеза»²⁴.

Юнг обозначает пределы права и государственного принуждения, которые, по его мнению, должны довольствоваться предотвращением или компенсацией «непосредственного оскорбления товарища, сужения, нарушения его жизненного круга», которые не могут быть возмещены простой денежной компенсацией. Затем он выделял три наиболее действенных рычага воздействия на человеческое поведение. К первому рычагу он относил юридическое принуждение, считая его наиболее грубым, ко второму — надежду на прибыль или страх потерять прибыль или зарплату, назвав его более тонким и лучшим, чем простое принуждение, а также подчеркивая полное преимущество творческого свободного предпринимательства над различными видами централизованных огосударствленных экономик, включая социалистическую. И наконец, высшими и благородными, в его

²² Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. S. 33–34.

²³ Rilk O. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 9. Judentum und Wettbewerb. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936. S. 12.

²⁴ Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. S. 35–36.

понимании, являются внутренние добровольные импульсы, такие как чувство собственного достоинства, долга, любовь, религия²⁵.

Далее Юнг делал банальный вывод о том, что неверный выбор инструмента воздействия на общественные отношения всегда ведет к социальной неудаче. В качестве примера он привел попытки регулировать экономику юридическим принуждением и попытки французского правительства, пытавшегося повысить рождаемость путем повышения налогового бремени для бездетных и финансового поощрения многодетности вместо использования «третьего, высшего рычага».

Право справедливости Юнг связывал с обсуждением соответствия каждого правового положения этическим основам жизни сообщества. Правоотношение в его концепции представлялось как добровольное исполнение одним «народным товарищем» правовой обязанности перед другим «народным товарищем». Вместе с тем ученый писал, что такая справедливость таит в себе опасность появления различий между этическими взглядами индивидов, называя такую опасность меньшим злом, поскольку перегрузка позитивными нормами не гарантирует предсказуемости правоприменительной практики²⁶.

Юнг насчитал в тексте ГГУ 17 упоминаний слов «справедливость» и «справедливо» и назвал правильным отсутствие попыток законодателя закрепить норму-дефиницию, определяющую понятие справедливости, оставляя заботу о понятийно-терминологическом разъяснении юридической науке, а обязанность блюсти справедливость в правоприменении возлагая на судей²⁷.

Далее Юнг делает системообразующее для нацистской концепции источников права утверждение: «Самая важная гарантия против слишком разнообразных отклонений восприятия этического внутри сообщества правовых товарищей достигается соответствующим гомогенным качеством крови народной общности»²⁸, — писал он. Второе важнейшее его утверждение заключалось в том, что вопрос источников права не может решаться законодателем, так как базовое правовое начало предшествует законотворчеству понятийно и по времени²⁹.

Следующей проблемой, рассматриваемой Юнгом, является соотношение позитивного права и прецедентов как источников права. Он согласен с известнейшим немецким юристом XIX в., сподвижником Бисмарка Лотарем Бюхером в том, что «законотворчество означает грехопадение правового развития». Юнг писал, что в «правовом оформлении правовой общности сначала многое происходит в неосознанном социальном опыте и инстинктивно правильном юридическом действии, которому мешает неуклюжее вмешательство законодателя»³⁰. Он упрекает позитивное за-

²⁵ Ibid. S. 39.

²⁶ Ibid. S. 41.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. S. 42.

³⁰ Ibid.

конодательство в «безжизненности, бессмысленности, теоретичности». Судебная практика и обычное право постепенно «из власти обстоятельств и зрелости жизни могут создать даже зрелую правовую норму». Но вместе с тем Юнг, обращая свой взгляд на опыт становления и развития английского общего права, «которое долгое время испытывало отвращение к законотворчеству и до сегодняшнего дня к кодификации», и сравнивая его с немецкой правовой жизнью, заключает, что отказ от любого законотворчества и рационализирования несет в себе больший риск, нежели «безудержное законотворчество». Негативными последствиями такого отказа в британском общем праве Юнг считал то, что «никто в действительности не знает действующего права».

Затем ученый переходит к финальной оценке значения естественного права, называя его «важной ступенью развития», подчеркивая его роль в «освобождении от позитивно-исторического балласта». Однако, заключал Юнг, концепция естественного права, выполнив свою положительную роль, превратилась в «инструмент неприкрытого уничтожения и разрушения». Он имел в виду Великую французскую революцию и последовавшие за ней другие революции XIX в.

В завершение трактата Юнг подводит читателя к кульминационной проблеме большинства идеологических работ германского национал-социализма, а именно преобразованиям, проводимым в немецком обществе и государстве, или так называемой национал-социалистической революции. Происходящее в современной ему Германии он назвал «мощным духовным переворотом, заключающимся в воспитании народной общности и социального согласия»³¹. Разрушительные последствия революции Юнг, следуя постулатам нацистской идеологии, объясняет «влиянием чуждых народу по крови элементов», приводя в пример французскую Коммуну в 1871 г., Ноябрьскую революцию в Германии и революцию в России в 1917 г. «Мы хотим провести преобразования с 1933 г. среди нас и только среди нас, и также в сфере правовой жизни»³², — резюмирует Юнг свой трактат, посвященный пониманию источников права.

Работа Юнга носит скорее философско-правовой, нежели практико-юридический характер. Вследствие этого автор вообще не затронул многих важнейших аспектов проблемы источников права, а именно вопросов иерархии источников права, юридической техники и языка нормотворчества, соотношения актов различных публичных образований (например, актов Национал-социалистической рабочей партии Германии с актами органов государственной власти), соотношения законодательных актов с подзаконными и оценки той ситуации, которая сложилась в Третьем рейхе после придания актам правительства той же юридической силы, что и законам.

Оценка Юнгом естественного права, позитивного права и исторической школы права позволяет утверждать, что доктрина естественного права являлась для него «наименьшим злом». Как бы странно ни казалось

³¹ Ibid. S. 44.

³² Ibid.

на первый взгляд, но именно доктрина естественного права по своей форме наиболее близка к нацистскому взгляду на источники права. И нацистское, и естественное правопонимание видят высшие источники права в неотъемлемых априорных принципах, на которые позитивное право не должно посягать. Но это сходство лишь внешнее, так как содержание данных принципов диаметрально противоположно. Принципы естественного права — это права и свободы человека, принципы нацистского правопонимания — интересы народной общности, основанной не на общности судьбы, культуры и языка, как в старом консервативном немецком национализме, а на общности расы.

Неприятие позитивистского типа правопонимания нацистами объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что позитивный закон мог противоречить нацистской идеологии; во-вторых, тем, что позитивное правопонимание, особенно в его кельзеновской интерпретации, означает полную деидеологизацию права. Именно поэтому Юнг резко критиковал историческую школу права: в ней не было места искусственным идеологическим постулатам.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на антисемитское название серии работ, в которой была опубликована эта брошюра, работа Юнга создает впечатление лишь стремления автора соблюсти идеологические требования режима, так как невозможно создать хоть сколько-нибудь серьезный трактат по теории права в исключительно антисемитском стиле. Поэтому, несмотря на название, предполагающее «разоблачение влияния еврейства» в учениях об источниках права, упоминания Юнгом «примеси еврейской крови» у Вольтера или еврейского происхождения основоположника школы свободного судейского усмотрения Германа Канторовича носили скорее формальный идеологический характер и могут быть сравнимы с обязательным цитированием В. И. Ленина и работ действующего генерального секретаря ЦК КПСС в советских работах. Это обстоятельство в свою очередь обнаруживает научную убогость нацистской идеологии в сравнении с его тоталитарным собратом — историческим материализмом.

Стоит также отметить положительные аспекты в работе Юнга. К ним можно отнести апологетику сильной независимой судебной власти, отстаивание автором свободы судейского усмотрения, предложение об обязательной публикации материалов судебной правоприменительной практики. Однако правоприменительная практика Третьего рейха под свободой судейского усмотрения понимала прежде всего широту дискреционных полномочий судьи в деле наказания противников режима, включая абсолютно неприемлемое не только для демократических, но и для многих авторитарных режимов применение норм уголовного права по аналогии.

Кроме того, Юнг в отличие от главных идеологов германского национализма не отрицал положительной роли римского права и его рецепции в немецкой правовой истории и действительности, тогда как Альфред Розенберг в одном из центральных идеологических трактатов нацизма «Миф

XX века» называл римское право каноном индивидуалистического капитализма, а его рецепцию — «фальсификацией германской правовой идеи»³³.

В целом воззрения Юнга на проблемы источников права можно охарактеризовать как коллективистские. Цели защиты интересов народной общности (Volksgemeinschaft) служил и набор юридического новояза, разрабатываемый Юнгом и другими юристами, поддержавшими неправомерный нацистский режим. Трактат ученого изобилует таким коллективистским новоязом, несущим очень мало предметной смысловой юридической нагрузки, кроме апологетики коллективизма. К нему можно отнести термины «Rechtsgenossen» — правовые товарищи, «Rechtsgemeinschaft» — правовая общность людей, «friedenstörende» — нарушающие мир, согласие индивиды.

Литература

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Печатный двор, 1954. С. 414–419.

Розенберг А. Миф XX века. Таллин: Шилдекс, 1998. 516 с.

Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 1. Die deutsche Rechtswissenschaft in Kampf gegen den jüdischen Geist. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936. 36 S.

Jung E. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1938. 48 S.

Rilk O. Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 9. Judentum und Wettbewerb. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936. S. 12.

References

K kritike gegelevskoi filosofii prava. Vvedenie [Marx Critique of Hegel's legal Philosophy. Introduction]. K. Marx and F. Engels. *Poln. sobr. soch [Collected Works]*. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, Printing House, 1954, pp. 414–419. (in Russian)

Rosenberg A. *Mif XX veka [The Myth of the XX century]*. Tallinn, Shildex Publ., 1998. 516 p. (in Russian)

Das Judentum in der Rechtswissenschaft. Band 1. Die deutsche Rechtswissenschaft in Kampf gegen den jüdischen Geist. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936. 36 p.

Jung E. *Das Judentum in der Rechtswissenschaft*. Band 8. Rechtsquellenlehre und Judentum. Positivismus, Freirechtsschule, neue Rechtsquellenlehre. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1938. 48 p.

Rilk O. *Das Judentum in der Rechtswissenschaft*. Band 9. Judentum und Wettbewerb. Deutscher Recht Verlag. Berlin, 1936, p. 12.

³³ Розенберг А. Миф XX века. Таллин, 1998. С. 413–423.